



НА САМОЙ ГРАНИ

КРЕСТЬЯНСКАЯ САГА
АЛЕКСАНДРА РОМАНОВА



В этот старый деревянный дом с огромными окнами по улице Советской, почти на берегу реки Юг, в большую светлую комнату, в которой размещались все четверо литературных сотрудников газеты «Никольский коммунар», Александр Яшин в самом начале шестидесятых годов запросто заходил не раз, не два. Усаживался и спрашивал, спрашивал без конца, где и что делается по району, и, казалось, неинтересного для него просто не существует.

На этот раз внимание Яшина привлек номер газеты «Вологодский комсомолец» в моих руках. Броско сверстанная, поданная в голубом цвете полоса была густо заполнена неровными колонками стихов.

– Что, поэму Романова дали? – он, судя по интонации вопроса, знал о ней раньше.

– Да-а, очень необычна...

– Подарите мне этот номер.

Спокойно, ненастойчиво сказал это Александр Яковлевич, но по взгляду его было понятно, что ему очень хочется получить газету с новой поэмой Александра Романова тотчас же. И разве мог я устоять перед этой просьбой, хотя и мне поэма понравилась и побудила едва ли не впервые серьезно задуматься над тем, а каков он, поэт Александр Романов?

Мне вспомнилась тогда первая встреча с молодым поэтом годами пятью раньше. Широкое, открытое, несколько даже самоуверенное лицо; густые, откиннутые назад волосы; голубые, чуть насмешливые глаза... И то небольшое, что знал я из биографии поэта: родился в деревне Петряево Сокольского района, окончил педучилище в Вологде, потом там же – педагогический институт, работает в газете, опублико-

вал три книжки стихов – ничего особенного все это не представляло.

Книжки А. Романова я знал, хорошие для дебюта книжки, и все-таки не захватили они меня. Вот разве что в сборнике «Сыновья любовь» стихи о матери, в них были истинные боль и нежность. Новая поэма, видимо, явилась тем случаем, когда поэт, может быть, еще и неосознанно, вышел на главное для него направление. А вскоре эта поэма под новым названием «Художники» и с посвящением А. Я. Яшину была опубликована в книге А. Романова «Семизвездье» (1963). В большинстве своем стихи из первых сборников А. Романова «Признание друзьям» (1956) и «Утренние дороги» (1958) – это стихи созерцателя, командированного, что ли, человека: заинтересованного и наблюдательного, но – со стороны. Позже, сердцем постигая жизнь матери, молодой поэт, наверное, осознал, что настоящими стихи становятся, когда отражают судьбу человека, что поэзия обретает подлинность, когда отражает судьбу поэта.

В поэме «Художники», мне думается, и сошлись в одно два оптических фокуса. Судьба деревенских женщин понята по сходству с жизнью матери поэта, а его собственные искания преломились в представлениях художников, приехавших в деревню в поисках старины. Герои поэмы Романова духовной цели еще не нашли, зато он сам обрел единство, цельность своей поэтической природы.

Почему я вспоминаю давнюю поэму, едва ли не забытую и самим поэтом? Да потому, что в ней – исток зрелого творчества А. Романова. После нее были стихи, и очень удачные и рядовые, новые поэмы, книги, изданные в Архангельске и Москве, – но вот эта проблема – художник и жизнь – стала главной для него. Разумеется, со временем она развивалась, уточнялась; образ поэта постепенно наполнялся жизнью, все теснее сближаясь с личностью самого Романова. И отсюда постепенно выкристаллизовалось житейски самое характерное для него состояние: положение человека «на самой грани» меж городом и селом, горожанина в первом поколении.

Среди шумного многоголосья поэзии конца пятидесятых – начала шестидесятых годов голос А. Романова едва различим. В чем-то он выглядел провинциальным (опять, мол, стихи о деревне), в чем-то – вторичным, неоригинальным (стихи о дороге – и кто их только не писал тогда)... Но было в этом и свое «чуть-чуть»: деревня – дом родной матери, а дорога – к родному дому. Понял поэт негромкие откровения своей матери и, усвоив откровенность как норму творческого поведения, вызвал своих героев на разговор о сокровенном. А они немногословны и застенчивы, его герои, не каждому откроются. И чем полнее постигал поэт их души, тем освобожденнее становилась его собственная душа, распахиваясь навстречу свету жизни и любви.

Внутреннее зрение, которым постигается сокровенное в человеке, открывает и глубину минувших времен. Ведь национальный характер имеет длительную историческую протяженность. Поняв

современников – крестьянина с крестьянкой и их городских сыновей, А. Романов уже не плутает в потемках прошлого, а ясно различает главное. В свою очередь, свет из прошлого помогает отчетливо увидеть и день нынешний. Не избегая внешнего и событийного, А. Романов в стихах и поэмах нередко повествователен. Но эта повествовательность обладает всеми качествами эпического стиха, народного по существу своему. Так, единство личного, сокровенного в его героях и исторически преемственного, постоянного в их характерах сообщили стихам и поэмам Романова глубокую социальность и активную гражданственность.

Важно отметить завидную верность Александра Романова самому себе. Писал он о том, о чем душа велела, за модными темами не гонялся. В свои ранние годы, когда шумела так называемая эстрадная поэзия, он не лез к публике на глаза, а исполнял как умел свое дело и не стремился казаться иным, чем есть, – более значительным. И верность всегда вознаграждается: одна за другой появляются поэмы А. Романова, в которых он по-своему увидел привычный ему мир русской деревни.

Учителя у него были, и учителя хорошие – Александр Яшин и Александр Твардовский, Сергей Видулов и Ярослав Смеляков, позже – Сергей Орлов. И Романов учеником стал по-хорошему непослушным: многому научился у них, а писать писал по-своему. Потому что была у него своя жизнь, через свой жизненный круг познанная. Вспомним очерк А. Романова о хлебе – «Святыня» или другой – «Встревожишь душу – жить начнешь» – он обращается к опыту, отстоявшемуся во многих поколениях русских людей, занятых благородным хлебопашеским трудом.

Поэтический талант пришел к поэту как щедрый подарок многих поколений крестьянской родни – людей, живущих в ладу с совестью в нашем песенном северном крае. И уйди Романов к другой тематике, допустим, воспевай романтику моря или первооткрывателей кладов земных – геологов, вряд ли бы он достиг той цельности и полнокровности, о какой мы вправе говорить сейчас. Крестьянский сын, овладев поэтической культурой, он себя нашел на земле отцов, и родная земля открыла ему сокровенные тайны.

В поэме «Художники» (кстати, написанной еще до того, как традиционное направление в литературе набрало силу) молодой поэт был в новых условиях первооткрывателем темы, ставшей теперь одной из самых значительных в поэзии и прозе. То была поэма о связи художника с жизнью, о вечности народных национальных традиций в искусстве. И более зрелые произведения А. Романова – поэмы «Земля», «Черный хлеб», «Пласты», «Три зари» – в разных планах открывают современному миру и характер национального героя, явленного в живых движениях души, алчущей и постоянства, и обновления.

Поэмы Александра Романова уверенно встают в ряд с лучшими произведениями, созданными в русской поэзии наших дней о

тружениках села, – поэмами С. Викулова, Н. Старшинова и Ольги Фокиной – произведениями истинно народными, по праву снискавшими общественное признание. И в лирике А. Романова слышится биение совестливого сердца, тревожный пульс стиха отражает состояние беспокойной души нашего современника, ищущего чистоты и благородства в общении, совершенства – в мире.

Не захватанная «проблематика», не заемный пафос владеют поэтом, а истинное знание жизни, живые искренние чувства... Заметим, что поэт бывает очень разным: то эпически размашистым, живописным, картинным, то лирически самоуглубленным в прихотливость переживаний, то философски сосредоточенным над извечными проблемами бытия... Но каким бы разным он ни был, тем не менее всегда остается самим собой: искренним и совестливым человеком, который видит жизнь и людей добрым, светлым взглядом.

Обо всем этом думаешь, перелистывая снова и снова последние книги Александра Романова «Пятистенки» (1978) и «Северные поэмы» (1979), в которых представлен почти весь творческий путь поэта. Начинаясь тропочкой, он не свернул в сторону, а становился шире и шире, и вот уже видится большаком в жизнь народную, по которому идут многие поэты. Они как-то не очень заметно вышли на широкую дорогу (впрочем, на них критика не очень внимательно поначалу и посматривала), а теперь... Там, вдаль, уже недостижимые для нас, видны Александр Яшин и Николай Рубцов. А тут, рядом, идут Сергей Викулов и Николай Благов, Николай Старшинов и Ольга Фокина... Многолюдно теперь на этой дороге, и песни здесь звучат чистые и ясные в своей простоте, искренности и высокой одушевленности.

С теплотой и благодарностью принимаются эти песни в народе. Вспоминаю, как в клубе деревни Воробьево в совхозе «Доброволец» земляки принимали Александра Романова. Здесь знают и любят его стихи, а вечер встречи, видимо, по причине скромности и поэта, и его читателей-героев, проводился впервые. И может быть, стоило так долго – четверть века – идти до этой встречи, чтоб полностью унести для будущих трудов тепло, доверие и благодарную отзывчивость, – чувствовать их так важно для творчества...

...сердце ничего не позабыло,
И я поклоном кланяюсь земным
И слово древнерусское «спасибо»
Произношу всем существом своим...

А от нас, друзей и читателей Александра Романова, деревянной России спасибо за солнечный талант, подаренный ему поэту.

Как хорошо родиться на земле
И жить на ней. И верным быть родному
Обычаю, порядку и огню!..

Сдержанной силой, какую-то особенной значительностью звучат эти строки, узловые в поэме Александра Романова «Черный хлеб». Могут они показаться несколько отвлеченными: мысль поэта выражена прямо, обнаженно подготовлена она конкретностью бытовых деталей заключения. Деревенский рассвет – с березовым огнем в печи, извечными хлопотами хозяйки – будит ощущение спокойного довольства, умиротворенности. И подкрепляется оно тем чувством, что вошло в душу свежестью родниковой воды и льняного полотенца. Счастье не иллюзорно – конкретным символом его лежит на столе «каравай с достоинством высоким».

Край родной, что там лежит, «за морем березовым», дорог поэту неизменно. А и кому, скажете, не дорога земля отцов?.. Своеобразие тут, в самом деле, найти нелегко. Однако оригинальность «не должна быть искусственной или изысканною...» – писал В. Г. Белинский, определяя главную цель поэта, он «если должен о чем-нибудь заботиться, так это не об оригинальности, а об истине выражения: оригинальность придет сама собою».

Меньше всего Александр Романов заботится о том, как «позавлекательнее» показать свой край. Он внимателен к дню бегущему, а свои впечатления поверяет опытом прошлого. Не сразу пришел успех, но в стихах, собранных в книгах «Поземка» (1972) и «Радуга дней» (1973), поэт обрел глубину дыхания, голос его зазвучал самобытно и сильно.

I

Еще в 1962 году Александр Макаров, рецензируя третью книжку молодого поэта, предсказывал: «Его лето, может быть, будет неброским, как та сторона, что питает его творчество, но плодотворным и пленительным в своей сдержанной красоте и мягкости красок»...

...Родился Александр Романов в 1930 году, в деревне Петряево. Юность, однако, увела его в город, в Вологду, где закончил он педучилище и педагогический институт. Здесь вышли и первые книги его стихов: «Признание друзьям» (1956), «Утренние дороги» (1959), «Сыновья любовь» (1961).

О ранних опытах А. Романова можно сказать, что они свежи, искренни, то, что справедливо говорится о тех, в ком дарование несомненно, но еще не нашло определенности, отчетливо выраженного своеобразия. Боль и гнев, злость и нежность, любовь и ненависть зазвучали только в книге «Сыновья любовь», – в ней живет А. Романов уже действительной жизнью чувства.

Выразительность разговорной крестьянской речи чувствовал А. Романов с первых своих шагов в поэзии.

Молодому поэту дается броский картинный образ, но принципиальности в отборе изобразительных средств стихи пока не обнаруживали. Вот он пишет: «Как будто бы в большой зеленый город вступаешь в теплый августовский лес»; или «елка зеленой ракетой нацелена в небеса», «елки на пути, как семафоры, как перроны – белые холмы», – так ведь мог написать и поэт, воспитанный в другой, например городской, среде. Но уже немало картин иного плана, иного характера: кисти на рябинах – «словно жмутся на ветках чистых красногрудые снегири». Это уже видение человека сельского по складу мировосприятия. Или в том же роде:

Половики, что вьюги нам настлали
На тропках, на дорогах, у крылец,
Из белых уж коричневыми стали
И износились к марту под конец.

Гораздо важнее, правда, другое: Александр Романов, говоря словами А. Макарова, стремится теперь «не сообщать о вере и симпатиях... а заражать ими». Симпатии же поэта в «Сыновьей любви» уже принадлежат деревне. Добрые строки рождает образ матери («Наши матери», «И младший сын уже оставил дом...», «Разговор с матерью»), с интересом приглядывается поэт к землякам («Парни», «Дипломат», «В доме крестьянина» и др.), много пишет о природе. В его работе нет пока цельности, но уже обретена одна из первых, существенных для него истин: «Умом мы обязаны городу, а сердцем – деревням», – написал Романов, и самоопределение в мире состоялось.

Любящим взглядом видит теперь А. Романов деревню и ее обитателей. Ему близки их радости и печали. Он знает и ощутимо передает тяжесть их работы. Неоднопланово и своеобразно это сказалось в таких стихах, как «Дождь», «Посвящение в родню», «Когда он сказал...» и других. Они открывают жизнь деревни в лирическом ключе, хотя и не лишены повествовательного элемента.

Драматизм первого из названных стихотворений звучит в любой детали, подбор их точен и необходим. Потому-то упругие динамичные строки убедительно передают дыхание беды:

Дождь, дождь, дождь...
На колени упала рожь;
А была до чего ж сильна!
Под струю, как будто под нож,
Попадают головки льна.
Ни просвета который день...

Сквозь пластику описаний пробивается настроение, в котором и создается образ председателя колхоза с его беспокойством за судьбу

урожая, с высоким чувством ответственности за дела на земле. Летает «газик» председателя с поля на поле:

Темнота и морось кругом...
И машина шла напролом,
Светом фар в полях мельтеша.
Словно там металась огнем
Человеческая душа.

Строки, завершающие «Дождь», дают понять меру авторского сочувствия, способность проникнуться нуждами и заботами крестьянина-земледельца, оценить силу его недюжинного характера. И то еще важно, что человека видит А. Романов в единстве с окружающей действительностью, с природой, которая на его склад души наложила неизгладимый след, да и во многом предопределяет творческое восприятие мира самим поэтом.

Есть простор и улыбочивость в его стихах, когда пишет он о первой встрече невестки со своей свекровью или делает нас участниками обеденного действия в деревенском доме. Счастье трудовой крестьянской семьи дает почувствовать А. Романов и в картинности описания приоткрывает добрые нравственные традиции:

Буханку, как доброе чудо, держа,
Он резал и щедро и медленно
И, крупные ломти снимая с ножа,
Клад горкой на стол обеденный.
И я, побродивший свое по земле,
Опять постигал заново,
Насколько же вкусен черный хлеб,
На жарком поду зарумяненный.
Насколько горчица свежа и крепка,
И перец горяч до горечи,
И суп из рабочего черпака
Насколько же добр и солнечен!

Александр Яшин в свое время с одобрением отозвался об этих стихах, отметив, что в них Романов «...самобытен, живописен, эмоционален», и особо подчеркнул, что у него «все без натяжек, все естественно».

Такою естественностью отмечены многие стихи А. Романова, посвященные и судьбе русской женщины. Не сразу был понят и по достоинству оценен им подвиг матерей, крестьянок и солдаток. Со временем пришло и сознание того, как трудно молодой женщине, когда «ушли сыны на разные дела». Мудрые и великодушные, они умеют перемочь горечь одиночества, понимая неизбежность расставаний с повзрослевшими детьми: «...срок пришел, и это позвала их от тебя уже другая мать».

Привычка к труду, не покинувшая их даже в самую трудную пору, любовь к детям и сознание долга перед Родиной – все это достойно высочайшего уважения. Наверное, поэтому А. Романов не стремится

противопоставлять поколения. Он, конечно, видит разницу, но она для него имеет свой смысл, с которым может согласиться любой человек. «И по грамоте больше знаем», – говорит поэт о себе и своем поколении, но «в чем-то все же они умней и глядят с тревожным участием на ученых своих сыновей». Да, у матерей хватает ума и такта на тревожное участие, чего не всегда скажешь о сыновьях. А ведь они, деревенские матери, больше нуждаются в таком участии. Об этом убедительно говорит поэма «Судьба».

Что ж, это обычное явление: женщина-мать, всю жизнь прожившая в деревне, уезжает под старость к сыновьям в город. Такой случай стал основой поэмы, которая по своей сквозной интонации драматична. Все привычно и знакомо в ситуации, но поэт впечатляюще остро передал атмосферу тревоги. Он сумел значительными показать переживания матери-крестьянки, в жизни которой наступает резкий перелом. Это удалось, наверное, потому, что в обобщении поэт объединил и образ крестьянки-матери, и образ земли-кормилицы. Земле

...как и матери, несладко,
 Нехорошо жилось порой;
 Она войну была солдаткой,
 Потом она была вдовой.

Как видим, образ сельского жителя уже не мыслится для Романова вне связи с землей, с северными русскими просторами, с привычными приметами быта. Все отчетливее понимает поэт внутреннюю связь тех слагаемых, которые определили формирование духовного облика русского крестьянина.

Думается, в постижении судеб деревенского жителя очень важными оказались для Романова его попытки заглянуть в прошлое. Поэт пытается оценить свершения предков и понять их духовный мир. Связь времен едва ли не впервые наметилась в стихотворении «Русские деревни», которое и до сих пор остается свидетельством самой постоянной его привязанности: «...Я с малых лет к деревне любовь свою несу за мудрое терпенье, за строгую красу».

Поэт попытался преодолеть поверхностность внешних, первых впечатлений и, рисуя обобщенный портрет деревни с извечными палисадами да рябинами, стремится понять «характеры хозяев по облику домов». Он отмечает существенные черты русского крестьянского характера – простецкую открытость души, которая сродни нашим просторам, мастеровитость и деятельную любовь к красоте, отличное выражение которых – «цветы по дереву, старинная резьба».

И не случайно позже мы встретим в развернутом решении темы, едва намеченные здесь в стихотворении: связь прошлого с днем сегодняшним, деятельное трудолюбие крестьянина и судьбы его в связи с судьбами деревни. Пусть А. Романов только предположил, что на-

звания российских деревень происходят от безымянных трудолюбивых мастеров, что «легенд древней». А в стихотворении «Предок» поэт представляет образы тех, кто до нас обживал землю. «Кто он был? В каком таком обличье?» – размышляет он, и видится ему предок могучим, вольным человеком, который из поединка с природой вышел победителем.

Так рисовалось прошлое в воображении молодого поэта.

Но история была и совсем рядом. Александр Романов не мог не видеть обострившегося интереса к старине, за которую горожане поехали в деревню. Такая тема таила в себе своеобразные противоречия, и за нее берется поэт в поэме «Художники». Богатая по ритмическому рисунку, ясная и точная по образной структуре, она стала, на мой взгляд, одним из самых заметных произведений А. Романова в начале шестидесятих годов.

В Москве говорят:
Север богат,
Что ни наряд –
Радует взгляд.
Юбки, оборки –
Боже мой! –
Так и веет стариной.

Увы! – «гостей», столичных художников, интересуют «юбки, оборки» лишь сами по себе. С неудовольствием, разочарованно отмечают они, что Марья, хозяйка, в доме которой они остановились, ходит «в кофте ситцевой, сшитой, как и в Москве, например», что нет на ее кофте «ни кружев, ни вышивок». А Марье что надо? – «Лишь бы подольше стала носиться». И все. Не до жиру...

Гостям, людям далеким от жизни, это пока непонятно, и вопрос, единственный, волновавший их, задан: «Скажи-ка, Марья, людям приедем, где же наряды прежние, где же?..». Вопрос всколыхнул все существо крестьянки, но пересилила она себя, «смотрит: нет, не чужеземные, ну, а до чего же далеки!». Вот потому-то она «улыбнулась грустно, через силу: – Вам-то, не пойму, к чему она?».

Тактична Марья, сдержанна. В самом деле, к чему им эта старинная «одежа», им, которых не заинтересовала сама Марья! Ведь и судьбы старинной красоты связаны с судьбами народа, которым она создана, в котором бытует. Женщине весьма кстати припоминается былое: сенокос, «травница, как зеленый брод, и она, Машутка, в сарафане яблонево, розово идет». Здесь к месту сарафан, когда и косы на лугу счастьем поют; вспоминается и погибший на фронте муж Степан, вместе с которым сгинуло счастье... И теперь все эти сарафаны да кофты – лишь старая «одежа», если забыть, не подумав о Марье, как не подумали гости-художники. Не у одной Марьи такая горькая жизнь: старались люди, да ничего найти из старин-

ного не могли. Вот тогда и задумались гости и впервые «вдумчиво» поглядели на Марью.

Нет, кое-что они, конечно, нашли. Увидели резные карнизы, причудливые крыльца, которые вновь пробудили мечту художников о встрече с чудом красоты. И уже взялись они за кисти, уже работают, но все «это не пело, как ни старались». Ведь и старинное зодчество – частица жизни народной – только в связи с ней обретает смысл. Художникам еще надо это понять: ребята они честные, хотя и по-своему ограниченные. Вот снова и снова «всплывают, словно издалека, тетки Марьи грустные глаза, руки на коленях, как упреки...». Не сразу поняли друг друга гости и хозяева, но поняли.

Живая взаимосвязь прошлого с современностью – это уже новое качество историзма, и оно постепенно вырисовывается в поэзии А. Романова. В стихотворении «Бывает, ельниками еду...» по поводу разрушенного храма он замечает с горечью:

Не камни рушим – а века
И нашу собственную память.
Ужель она не дорога?..

Пока это не более чем догадка, но догадка перспективная. Позже мотив памяти, духовно связующий поколения, получит развитие, наконец, благодаря тому, что А. Романов постоянен в интересе к современности, к судьбам своего поколения.

II

Волею неумолимого времени тысячами уходили в города деревенские жители. «Ах, город село таранит!» – иронизировал Николай Рубцов по поводу всхлипов и вздохов. И Романов избежал наивного противопоставления города деревне, уловив их взаимосвязь, поэтически воплощая ее в цельном образе:

Я – хлебопашеского древа,
Но лишь с меня который год
Оно шумит не над деревней,
Оно над городом растет.
Не просто ветвью быть последней
И цвезть уже в черте иной.
Когда в глуби тысячелетий
Прямой и трудный корень твой.
Не просто быть на самой грани
И вырастать наискосок,
Когда порой саднит и ранит
Идущий с корня горький сок...

Будут ли понимать эту «непростоту» уже через одно поколение? Надо, чтобы понимали, – ради этого и родились многие стихотворения Александра Романова. Вот, воротившись на родину, бродит в опустевшем старом доме последний потомок тех, кто веками жили здесь («Старая боль»):

Кросна, пыльную божницу
По углам я нахожу,
Старый серп, трепало, прялку,
Крюк железного светца...
Нет, мне этого не жалко,
Жалко деда и отца,
Жалко материных весен
Пролетевших...

Перед нами – не собиратель модного старья. За каждой вещью – жизнь близких ему людей в былом, а значит, и биография лирического героя. Она будет не полна, если не установить связь с прошлым, утратить какие-то чрезвычайно важные духовные истоки. Знакомо подобное чувство, например, и А. Жигулину: «Может, за далью размытой, за луговиной степной что-то навеки забыто, что-то потеряно мной?..» («Здравствуй, родная деревня...») Так приходит «возраст перевальный», с его, кажется, неразрешимыми мучительными вопросами. «Это старое болит», – не очень вразумительно, но точно определяет такое душевное состояние старик-пасечник в стихотворении А. Романова и поясняет: «Вот тебя тоска и мучит: дела требует она».

Таким делом – художественным освоением прошлого в его значении для человека наших дней – и явились поэмы А. Романова «Северяновна» (1968) и «Земля» (1969), очень несхожие по своей фактуре.

Несколько особняком стоит в творчестве А. Романова лирическая поэма «Северяновна». В ней поэт чаще, чем обычно, прибегает к условности, шире использует и поэтику фольклора.

Характеры героев поэмы едва намечены, и не они интересуют поэта в первую очередь, а настроения, в развитии которых и рождается мысль.

Мировосприятие, характерное для народной поэзии, оживает в динамике действия, контрастности образов, в активности сил природы. Реализовавшись в бодрых напористых ритмах, чувство героя своим лирическим напряжением готовит нас доверительно принять образ его любимой. И теперь от сказочных средств, полностью сыгравших свою роль, поэт переходит к реалистическим, однако, сохраняя настроение праздничного подъема.

Встреча традиционна: молодая хозяйка «постлала скатерть новую (честь-почесть дорога)»; мать девушки, узнав о цели визита, «платок поспешно вынула и скомкала в горсти». Кстати, памятью матери в нескольких штрихах очерчено прошлое невесты: когда девчонку вы-

везли из блокадного Ленинграда, приютил ее и вырастил суровый, но приветливый северный край. И наказ, который женщина дает двум любящим, – это наказ быть достойными Родины.

Красоту Родины надо видеть, знать, и Романов показывает свадебное путешествие – не в заморские края, а по северным местам. «Надо ей, молоденькой, родину казать. Чтоб на сердце – ясно, чтоб в глазах – не дымно, чтоб не слой – три слоя жизни было видно», – по-народному просто и мудры проникновенные напутственные слова матери. В тон их настроения воспринимается весеннее ликование природы с раздольем воды и пургой черемух.

Не такие ли светлые картины видели некогда новгородцы, осваивающие здешний суровый край? Вот они, представляется, какие были:

Выгребают молодцы –
Дюжая кость.
А в глазах – полнеба,
В бородах – ветра...

От фольклора идет гипербола, открывая в образах мощь, которую созданы удивительные храмы и белые терема. Под стать этой прекрасной силе – нежность славянки, «с добротой, с достоинством, с верностью навек».

А поймет ли любимая лирического героя, наша современница, глубину времен как собственное прошлое?.. Ее образ внутренне не раскрыт в поэме, – она видится глазами суженого. Он же с надеждою отмечает: «чувствует родство», «видит, видит главное, то, что видно мне». Эстафета поколений, будем верить автору, принята.

Поэмою «Северяновна» Александр Романов весь в наших днях. Поэт, воссоздавая жизнь интимного чувства, наметил путь постижения молодым современником образа Родины в ее далеком и близком прошлом, в ее настоящем...

III

В «Разговоре с художником Корбаковым» А. Романов задался тревожным вопросом:

...Куда же Русь уходит?
А Русь уходит в нас!.. –

и сам, как видим, дает обнадеживающий ответ. Пока это не более чем заявление, а поэтическую реализацию его мы находим в стихотворениях книги А. Романова «Поземка».

Зачином, эпиграфом «Поземки» могло бы стать стихотворение «Земля отцов и дедов...». О том, как кусок ржаного хлеба, выращенного на скудных подзолах, колодезный журавель с его привычным скрипом,

потолок родной избы «в морщинках», напоминающий материнские ладони, – как все настаивалось в душе чувством родины, земли отцов и дедов, принятой в наследство нашим поколением.

Мотив «деревня – родина» стал одним из самых распространенных в современной поэзии. Звучит он в творчестве А. Яшина и Д. Ковалева, С. Викулова, В. Федорова, Л. Мартынова... А у поэтов младшего поколения, таких, как Н. Благов, А. Жигулин, А. Передреев, Н. Рубцов, В. Шапошников и многие другие, мотив этот стал сквозной темой, хотя и преломляющейся у каждого по-разному.

Александр Романов в книге «Поземка» предстает поэтом наблюдательным и серьезным, совершившим значительный шаг вперед. Его уверенность в себе питается сознанием равноправного места в череде меняющихся поколений:

Меж ушедших и живущих
Я – единое звено...

Звено «единое» – слово тут несколько неловко звучит, но верно. Единое, связавшее в одно прошлое и настоящее, неразделимое.

Неизменный интерес влечет поэта туда, в старую деревню. «Сеновал», «Радуга дней», «Поземка» – каждое из этих стихотворений приоткрывает былой мир трудового крестьянства. Открывает с позиций лирических: это всегда его, Романова, личное представление о прошлом, его мысль, его видение.

В одном случае он представляет поэтическую будничность жизни трудового человека. В другом радуется, что дано ему видеть те же берега, тот же лес, те же глубокие небеса над головой, как и его далекому предку. Радует той общности, за которую, наверное же, есть и сходство чувств, душевного склада. А в «Поземке» пригрезилась поэту встреча с мужиками, предками в четвертом колене...

Здесь уже все гораздо сложнее. Видятся мужики, что «крепки и красивы в своей простоте». Прадед вызывает особое восхищение: «скулы тверды в черной оправе густой бороды. А взгляд простодушен, даже свят...». Голос крови, родства диктует эти слова. Но как резка грань, прочерченная временем!

А. Романов уловил неодолимость пропасти. Бледнеют мужичьи лица, когда «потомок» садится к столу, «не умея креститься». Не понять им, тогдашним, почему вдруг стало: «сколько хватит глаз – вся твоя земля...». Да и обличьем пришелец не покажется мужикам своим человеком...

Верно, не поняли бы мужики своего потомка, случись такая встреча. Но нам-то предков понимать надо. У потомка всегда есть одно преимущество: «Я их вижу, они меня – нет»... И рождается поэтическое обобщение:

Как тайна, как чудо,
Текут года:
Видно – откуда,
Не видно – куда...

Видно – откуда... Уже немало. В былом – бесконечная череда поколений, которые ушли, с собою «не взяв ни камушка – не надо»... Все оставили потомкам. Наследство – огромная прекрасная Родина, и ее также придется оставить сыновьям. Оставить! Не так это просто, как передача имущества по описи, но люди часто не склонны задумываться над этой сложностью и даже замечать ее. Будь иначе, справедливо полагает поэт, и все мы «были б в жизни настоящей и помудрей, и поскромней». Путеводная нить, связующая прошлое с будущим, найдена.

Держась этой мысли, будет оценивать Александр Романов явления дня нынешнего. Скажем, возросший интерес к древним народным традициям, который возрождается, не сразу преодолевая вульгарность моды. Вот тройка вдруг показалась на городских улицах («Масленица»). И хотя «в сторонке держатся такси», но все-таки лошади «неловко, отрешенно, конфузливо бегут»... Нет размаха, удали, естественности: что-то очень существенное в традиции потеряно, и не безнадежно ли?..

Наверное, подспудное биение важной поэтической мысли обращает А. Романова к образу писателя-народника П. В. Засодимского, его земляка. Заботился о том старый писатель, как «не растерять в развитии России народный облик и народный дух»... В известной мере – это и мысли самого Романова. Мотивы повторимы, пусть хоть и на совершенно иной основе возникают. Ведь то, чем жил народ испокон веков, дорого людям. Может быть, особенно остро чувствуют это те, чьи руки лежат на пульсе современности. Со встречи с космонавтом («В гостях у Павла Беляева») запомнились поэту его заинтересованные вопросы о родных краях:

Как там ныне с сеном, с хлебом,
Как охота, как грибы...
Он вздыхает: снова не был,
А хотел, хотел побыть.

И понятно, сам космонавт, человек простой и сердечный, в звездный путь шагнул от тех мест и от тех дел. Выросший в деревенской среде, поэт Александр Яшин («Улица Александра Яшина») принес оттуда в мир поэзии большое трудолюбие и высокую совесть:

...Сам себя бессонницей
Сжигал, в трудах суров,
Чтобы зывала к совести
Первооснова слов...

Люди эти смогли остаться сами собой, хотя и «ушли от сохи», повидали немало стран, городов и даже миры иные. В чем-то существенном они остались родней русской женщине из стихотворения «Африка». Она «из городов лишь Вологду и видела, поди». А сын вот из Африки прилетел к ней в гости. И для нее пораздвинулся мир. Но событие она воспринимает просто, храня чувство гордости за свое, родное (пусть

хоть оно несколько забавно выражается: «нет, наше повкусней», – говорит она, отведав молока из кокоса).

Любовь к родному, совестливость дороги А. Романову в людях. В ряду этих нравственных ценностей для него и иные черты, которыми отмечен русский национальный характер. Участливостью щедро наделены герои его стихов («Домой, в деревню...», «За самоваром»), любовью к жизни и веселым нравом, приветливостью («Анна», «Болото»).

Человека в одиночестве, кажется, и не представляет Романов. Поэтому острой пронзительностью чувства отмечено стихотворение «Телеграммы». Жизнь человеческая предстает в нем во многих пересечениях. В тревоге за старого друга («он что-то стал нездоров») и за сына-солдата:

Ведь с той и другой стороны,
Где он на рубеж поставлен,
Смертельно расчехлены
Запасы всемирной стали...

Беспокойна и дума о матери, которая живет одна в родной деревне:

Там стынет родимый дом
Большой неуклюжей лодкой,
Повернутой кверху дном
Возле рябины горькой...

Пусть несколько общий характер носит образ угрозы, он без лишних «красот» понятен многим. А образ «дома-лодки» дышит незащищенностью: он так неподвижен, этот дом, и витает вокруг него тень одиночества, покинутости. Даже и тот, кто жил, «в беде не хмурясь», у кого «всегда меж слов лукаво таилась мудрость», не избавлен от беды. Хрупка человеческая жизнь... А одно, другое, третье связано в единый узел – сердце современника, сердце поэта:

Пройдя сквозь горечь утрат,
Мы поняли запоздало,
Что мир так людьми богат,
А близких, в сущности, мало...

Для поэта нет просто «людей». Общие понятия – не для поэзии. Общее – «люди» – для поэта существует в конкретном, единичном – «близкие». В постижении этой поэтической правды человеческого общежития, думается мне, следует А. Романов за Александром Яшиным («Да, отзывчивая, да, сердечная... и др.), сам решая тему в мягком лирическом ключе.

Разнообразны мотивы стихов в книге «Поземка», но они скрепляются единством характера лирического героя, человека, объединившего в себе чувство нового и чувство истории как поэтическую реальность. Это и сообщает произведениям поэта новое качество, которое с наибольшей отчетливостью проявилось в поэме «Черный хлеб».

IV

Единство времени определяется в новой поэме А. Романова уже тем, что в ней два героя – люди разных поколений: лирический герой и старик-рассказчик. Он дорог поэту, этот «знакомый, старый русский человек». Мы не узнали его имени, зато можем узнать в жизни – их много таких, мудрых стариков, по деревням необъятной России. Поэт и его герой – оба живут одной правдой, одно и то же их волнует.

Говорит в новой поэме Александр Романов о жизни и смерти, о смысле человеческого существования и тех сложностях, которые опосредуют преемственность поколений, особенно на крутых поворотах истории. За темы, что в давней иерархии тем считаются вечными, берется поэт спокойно и уверенно. Не отсюда ли, от сознания зрелой силы, и широта дыхания и смелость художественных решений?..

Проста композиция поэмы, до примитива проста, но в ней вольно разворачивается поэтическая мысль – полно и цельно, до конца. Вступительная и заключительная главы – от имени самого поэта, остальные – голосом героя, лишь изредка перебиваются ремарками автора. Скупо и сухо озаглавленные («Родство», «О вине», «О пенсии», «О войне» и т. д.), в стилистике своей они не имеют существенных различий. И это не однообразие, но единство. Единство богатое и выразительное.

Стих поэмы емко и точен. Сплавилась в нем спокойная повествовательность с лирическим напряжением, бойкость поговорки и замедленный ритм мудрой мысли о жизни, свежесть житейского юмора и торжественные интонации гимна, завершающего поэму. Средства художественной выразительности гибко варьируются, и Романов, следя за переливами, нюансами развития темы, добивается, чтоб «слово каждое светилось».

Вот в начале поэмы поэт рассуждает о былой прочности семейных связей, которая и в словаре закрепилась:

...придуманное ловко,
Могут впрямь свести с ума.
Слово дерзкое «золовка»
С обольстительным – «кума»...

Теща – слово «строгое», зять – «удалое», сноха – «тихое», божатка – «доброе»... С удивительной пронизательностью схвачена самая суть терминов, слов, за которыми – святая древность родства, составлявшего некогда силу, опору в жизни человека. Поэт и теперь горд заметить: «я и сам, конечно, спица в колесе того родства».

Такой конкретной содержательностью, непридуманностью отмечен язык всей поэмы – разговорный язык крестьянской северной России. Установка на использование образности живого народного языка определена тем, что в нем отразилось не только складывающееся веками мировосприятие, но и нормы народной нравственности, активная оценка жизненных явлений.

Своеобразную свежесть языка поэмы во многом определил выбор героя. К каждому его слову чуток А. Романов, к каждому жесту, ко всему, что его окружает. И старик не резонерствует: его речи сильны житейскими примерами, оценками жизненных случаев, которыми он подкрепляет свои неспешные размышления вслух. Речь старика выразительна и впечатляюща. Нет, не за счет словечек типа «текёт», «покурлыкал в сельсовет», «смыряет», «гулявы», «как следно»... Не эти слова определяют особенность его языка, но сама стихия народной речи в ее эстетической наполненности, структуре фразы, ощущение предметности, образной содержательности слова.

«Окольное выражение, переносная речь, простое иносказание» (В. Даль) характерны для крестьянского языка, и старикова речь естественно влетает поговорки. Они, как правило, видоизменяются соответственно случаю: «на радость горя половину сумей всегда переложить», «рубаха близко к телу, а смерть и ближе, может быть», «ветром жизнь свою не пишут...». Нередко поговорка принимает юмористическую окраску: «пока не помер-так женись», «все мужики у них на мушке, все на прицеле старики»... Уж и не заметишь, где традиционная поговорка, где «собственное творчество» героя или близких ему людей: «а что касательно здоровья, так на здоровье, мол, попьем».

Озорное богатство речи героя воспринимается естественно, поскольку она по-народному образна во всем. Вот, скажем, о будничности брачной церемонии в сельсовете: «...как будто сходили вместе за водой»; о старости: «уж до того она стара, что куриц выпустит на волю и заплутает средь двора»... Слова точны, и радует народная обиходность фразы, веселая и серьезная (и, пошутив, тут же заметит, что «на старость без смеха надо бы глядеть»). Самые важные мысли находят афористически краткое выражение: «теперь главенствует бутылка, а раньше было – каравай» и т.п.

Разумеется, А. Романов не может отказаться целиком от общелитературной поэтической традиции, она находит место в речи самого поэта. У него если утро, рассвет, то – «облака, как длинные волокна, на розовых лучинах подожглись». Или: «брызжут звезды в небе стылом, словно трещинки во льду»; «красный жар, что гроздья пламенной калины, в совке он тащит в самовар»; «светят лампочки в окошках сквозь куржавину и лед, словно спелая морошка»... Тут мы легко узнаем раннего Романова с его пластикой: любая строка создает броскую впечатляющую картину, несомненно поэтична. При этом образность, как правило, локальна и свободно уживается в единстве с языком «деревянной» России, оттеняя его безыскусную выразительность.

Про самое заветное, что сердцем понято там, под тесовыми крышами, говорит Александр Романов в поэме «Черный хлеб». Вся она – о наших днях, а современность пронизана народным опытом прошлого. Они сплывались воедино, вчера и сегодня, и в этом единстве бьется мысль о будущем, трудная и напряженная.

«Добро вершил – добро осталось. А нет – развеется зола»...– глубокий нравственный смысл человеческой жизни по-своему мудро выражает старик, хвативший лиха на своем веку. Он знает, ради чего живет, и далек от дешевых суетных притязаний: «век живу – не надоело, хоть было горя и обид». Любовь к жизни определяется вовсе не благами, которые ему дарованы, потому-то и смерть старика не пугает. Страшит другое: тот последний час, когда

...лишь покаяться возможно –
 Поправить ничего нельзя
 В своих словах, слетевших ложно,
 В своих годах, прожитых зря.
 Я мыслю так – меня не путай, -
 Что человек без всякой лжи
 Лишь в те, предсмертные минуты
 И узнает, как надо жить.
 Но рассказать уже не может,
 Других не может научить.
 И тайну с ним на смертном ложе
 Погасят черные лучи.
 Оно дается нам – как следно
 Уйти и свет не заслонить...

Сознанием высокой ответственности за свою жизнь, за свои слова и дела обжигают эти размышления вслух. Верится в их непридуманность – они рождены трудовым опытом старого крестьянина, подтверждены всей жизнью. Ведь тою же мерою оценивается жизнь и смерть пожилой колхозницы Катерины. Более того, мысли старика во многом навеяны кончиною этой простой русской женщины. Рассказывает о ней сам старик, и потому каждое слово открывает его собственные представления о жизни и смерти.

Как и у многих солдаток, муж Катерины погиб на фронте. Каково ей пришлось – догадаться нетрудно, «но никаких от бабы жалоб и никакого людям зла». Труженица, она и смерть встречает на поле, «в руках со льном». Ей понятно случившееся, но и в сознании неизбежного она шутит: «Теперь уж я – ни в сноп, ни в горсть»... В ее простых словах нет страха, не может быть рисовки и в поступках (не тот тип характера): в том, что она «баб испуганных просила сорвать какие-то цветы»; в том, как, остановившись у березы, что под окном ее избы, «бесслезно кору погладила». А в избе она «так ясно, чисто заглядела, да так спокойно»... В смерти – не страх, а умиротворение не зря пожившего человека. Не нарушает ни логики характера, ни настроения минуты ее последняя просьба: «дали бы напиться, с реки»... Ведь в том, как «роса дымится на стакане, а в нем качаются лучи», – частица ее жизни отразилась, она еще теплится, а другая, уже отошедшая, – на снимке мужа-солдата. Она готовилась «как следно уйти», у нее уже и «одежды горестный запас приготовлен» – «заране сшила, знала час». Умирает старая крестьянка Катерина так же несуетно, как и жила.



Александр Романов



По Волго-Балту, 1967 год. Стоят: Д. Голубев, Л. Беляев, В. Белов, В. Коротаев, А. Романов, А. Яшин, В. Щербаков, П. Соколов.
Сидят: Н. Рубцов, Б. Чулков, С. Чухин



Александр Романов, Виктор Коротаев



Александр Романов



Александр Романов



Василий Оботуров и Александр Романов

Спокойное достоинство отмечает старик в кончине Катерины, а уж он ли смертей не выдывал! Сам со смертью рядом не раз бывал: «в плечо попало на гражданской и на Отечественной – в грудь», – но война-то, может быть, и научила более всего ценить жизнь человеческую. А сколько она сгубила! Собрались как-то немногие, оставшиеся в живых, мужики с округи, и «выяснилось вскоре, что все фронта в избе сошлись». Тогда любовь к Отчизне не давала помыслить о себе – и о патриотическом чувстве скажет старик негромко и просто:

Как широка Россия наша
И в горе, знаешь, как любя!
Лишь за нее нам было страшно.
Совсем не страшно за себя.
Вот потому-то нас и мало...

Видавший виды, старик помнит как самое драматическое, в чем отложилось его представление о войне, – пляску рослого инвалида: «И начал топтать да кружиться, да на одной-то все ноге. Стонало горе в половицах»... Вспомнив погибшего брата, расстроился мужик, и не смешон он в своей пляске на костыле, а трагичен. «Добро, что бабы не видали», – одною фразой своего героя дает поэт нравственную оценку и войны, и горя, и славы...

Его герои – «люди от земли», в которых уважает поэт трудолюбие, достоинство, негромкую любовь к родине. Они уже старики и доживают свой век в деревне, где стали они свидетелями начавшегося переворота в производстве, быту и культуре села. Разумеется, происходящее не оставляет их равнодушными, побуждает вспоминать былое, сравнивать.

Старик весело вспоминает, как потрясенно был встречен на деревенском телевизоре; теперь-то к ним уже привыкли, и теперь «телевизоры у нас зовут бездельниками», – замечает он («в шутку, хоть и правда»). Но помнит он и другое, давнее, – «как по вечерам сходились женщины и пряли и сами пели песни нам. Ах, были песни!..». Конечно, он понимает, что «это боле не вернется, как ни жалея, а не придет... Иной устав и облик ноне»... Но есть и у стариков свои пожелания: «нам про старые бы годы и без кри-вуль про нашу жизнь» да песен настоящих, а те поют «с притрясом, как не по-русски». Знает он, что у молодых свои запросы, но все же...

А к молодежи старик серьезно приглядывается, и без старческой предвзятости, хотя тревожат его не только песни «с притрясом». «Двух веков крестьянский житель», он видит, что для молодого поколения земля, что всегда была основой основ, – «лишь песни да слова». Для него же – не только пахота, которая в новом веке «будто бы остыла, когда пошла под общий плуг», а часть жизни. Понадобилось время понять простоту истины: «начинай устройство поля с переустройства души». Тем, кто пришел на смену старикам, тоже придется это понять.

Труд на земле стал механизированным, а молодой тракторист Ванюха Быстров – главной фигурой на селе, и без него – «теперь никак»

– картошку ли посадить или хлеб посеять. Это его, Быстрова, трактор «на центральную усадьбу уж полдеревни уволок». Последнее не очень любо старику, и он ворчит на Ванюху с усмешливым попреком:

...у тебя такой напор,
Что свез бы всю Россию в кучу,
А ей ведь надобен простор...

Однако силу, которую дала Быстрову техника («в его руках – сто лошадей»), его умелость («он звук ведет, как будто пляшет»), старик ценит. С крестьянской приметливостью и одобрением он отмечает, что тракторист «раньше всех встает в деревне, да и ложится всех поздней». Достоин уважения Быстров, и все-таки есть у старика одно «но»: он – как мастеровой – «не столько в землю, сколь в железо пока вникает головой»... Без техники, верно, теперь никуда, но молодым и землю еще надо понять. Нуждается она в любви и поклонении, стандарта, который несет с собою индустриализация, не терпит. Ведь земля – трудовая душа хлебороба, – так было, – а ныне ниточка преемственной связи оборвалась. «Последний, может быть, крестьянин в своей деревне – это я», – с грустью констатирует старик. И не напрасно тревожится он о будущем:

Земля покуда нашим ходом –
Ничем иным – заведена.
А нас все меньше с каждым годом –
Вдруг остановится она?..

Есть у Ивана азарт к работе на земле, но даже таких, как он – «мастеровых» – мало. А надо, полагает старый крестьянин, чтобы выросло у земли новое поколение, на него все надежды:

И вот тогда-то вашим ходом
Пошла бы матушка-земля.

Сбудутся ли такие надежды?.. Сказать трудно, ведь меняется не только характер труда, а весь уклад жизни, а вместе с ним и тип работника на земле, его психология. Этот процесс, в целом положительный и неизбежный, несет в себе и отрицательные моменты...

Труд – как у мастерового: нет праздничности, которая всякое дело венчает. И телевизор с его весельем на каждый день праздничности не добавляет – активное начало в духовной жизни уходит, отступает. Даровое веселье становится будничным, и – неожиданное следствие, хотя причина эта не единственная, – вино становится обыденностью тоже. А это уже с неизбежностью – пьянство.

Интересны и горьки мысли нашего героя. Рядовой факт побуждает его размышлять о жизни по большому счету. «Что, ветрено, ребята?» – увидел старик подвыпивших, и в лад ему звучит ответ: «Ой, дедко, ветрено опять». В двух поговорочного типа репликах нам откроется

картина, мы почувствуем усмешливость старика и веселую – исключаящую самооценку – виноватость ребят. Потому справедливы стариковы слова о том, что «заботы стало мало о положении своем». Это тревожит его, тут не до шуток: «вино столь многих в жизни заблудило, что уж командует оно».

Поругание человеческого достоинства больно ранит душу старика. Выношенные убеждения труженика, привыкшего уважать себя и других, звучат в его словах о том, что «в тени стакана... не виден человек». Зная цену труду, он глубоко понимает и смысл отдыха, праздника: «Веселье – что же это значит? Лишь разве то, что на столе?» – и есть горькая правда в стариковском брюзжании:

...Раньше сердце веселилось,
А ныне сердце-то болит.
Болит – кого ты ни спросил бы,
Ну, хоть свою жену и мать.
Болит, поди, у всей России...

Нет, «жизнь интересна не вином, а трезвым делом», – утверждает старик. По-государственному значительны, зовущи его слова:

А мы и так-то сотой доли
Того от жизни не берем,
Что дать она соблаговолит
В большом радушии своем.

Герой А. Романова – старый, мудрый деревенский человек... Это человек переломной эпохи, когда бурно складываются новые традиции. Но прочность и сила нового – в опоре на все лучшее, что дано в опыте прошлого. И главное в наследии – трудовые традиции русского крестьянства. Единство исторической жизни национальной традиции утверждает А. Романов своей поэмой:

Я, может быть, в глазах того нелеп,
Кто говорит: не хлебом, мол, единым...
Но что без хлеба?..

За словом «хлеб» – целый и цельный комплекс социальных и нравственных представлений, сложившихся веками и сейчас для нас вовсе не безразличных. Поэт полемичен, но утверждает он не единственность материального фактора, когда спорит с формулой «не хлебом единым». Нет, он подчеркивает духовную сущность самого понятия «хлеб», как оно сложилось в народе, его нравственное содержание.

Хорошие люди в небогатых деревенских избах дали многое понять Александру Романову, и он не оказался неблагодарным. Доверительность к читателю-единомышленнику, сердечность к старику-рассказчику определяют сквозную интонацию в настроении поэмы. И слова признания и любви срываются словно бы сами собой:

Куда ни гляну – врублены деревни
Сплеча, с размаху в русский горизонт.
Они стоят бесхитростно и просто
И доживают век великий свой.
Деревни – родовые наши гнезда –
Омыты грозовой синевой.
Но сердце ничего не позабыло,
И я поклоном кланяюсь земным
И слово древнерусское «спасибо»
Произношу всем существом своим.
И, сорванное с губ зеленым ветром,
Подхваченное кликом журавлей,
Осыпанное белоцветьем вербным,
Оно летит над родиной моей.
Летит, летит и набирает силу
Других, душе созвучных голосов:
– Спасибо, деревянная Россия,
За колыбель,
Науку,
Хлеб
И соль!

Александр Романов последователен в интересе к стране своего детства, оказавшейся в последние десятилетия ареной больших перемен. Широко распахивает он двери родного ему старого дома: смотрите! – а пойдете в новое, лучшее жилье – не забудьте прихватить с собою то, что в прежнем было дорогого для души. Не надо отмахиваться: в прошлом остается не только хлам! И поэма А. Романова «Черный хлеб» стала закономерным итогом развития его творчества в последние годы.

«Не всегда вровень со зрелостью возрастной идет зрелость творческая, и когда они смыкаются, лучшего нельзя пожелать поэту», – писал однажды А. Т. Твардовский. Совпадение зрелости возрастной с творческой как раз и являет «Черный хлеб» Александра Романова, произведение сильное и самобытное, отмеченное свежей мыслью и подлинною поэтичностью.

«Степень родства», 1977

